

— Оружие слепо, будь осторожен. — Сун Юй с трудом сдержал тысячу слов, которые рвались наружу.

— Цзинъюнь знает, я знаю. — Сяо Кань сказал сдавленным голосом, обнимая его.

Этой ночью Сяо Кань наконец понял истинную тяжесть императорского воззвания. Оно было выстроено из тысяч и тысяч забот и переживаний.

Зажгли свет, и они прижались друг к другу в палатке, словно жаждая запомнить каждую черту другого.

Сун Юй тяжело дышал, с готовностью принимая каждое движение Сяо Кана, его повторяющиеся проникновения.

— Чунцзинь, больно? А? Больно? — Сяо Кань тоже дышал учащённо.

Сун Юй уткнулся лицом в подушку:

— Не... не спрашивай.

— Наставник, повернись. Я хочу видеть твоё лицо. — Сяо Кань схватил его за талию. — Открой глаза, смотри на меня.

Сун Юй вынужденно повернулся и, полуприкрыв глаза, посмотрел на человека сверху.

— Как же хочется видеть тебя больше. — Сяо Кань тут же потерял контроль, совершенно не в силах остановиться, ускоряя движения.

— Наставник, я скоро вернусь. Ты должен всегда помнить меня, помнить всё, что между нами.

— Наставник, Цзинъюнь вернётся. Обязательно...

После долгой битвы они слились, как две лужицы воды, и казалось, во всём мире остались лишь звуки их дыхания.

Сяо Кань заснул в объятиях, полный сожалений, а Сун Юй всё ещё лежал, не в силах прийти в себя.

Ещё один взгляд на Сяо Кана — и Сун Юй готов был удержать его, не позволить уйти.

— Как же так вышло? — пробормотал Сун Юй сам себе, не зная, к кому обращается.

.....

На рассвете у ворот заставы уже собралась толпа.

Сяо Кань, как обычно, приготовил для Сун Юя завтрак. Они ели и разговаривали урывками, словно надеясь, что так время замедлит свой бег.

Когда они вместе подошли к заставе, там было почти полселения.

Сун Юй отошёл в сторону, пока все подходили попрощаться с Сяо Канем.

— Цзинъюнь, возвращайся поскорее! Мой бизнес только начал набирать обороты. Когда ты

вернёшься, я точно подниму наше селение, и тогда мы сможем построить большую медную башню! — Ли Шаою улыбался, но его улыбка была больше похожа на гримасу.

Сяо Кань похлопал его по плечу, рассмеявшись:

— Тогда я заранее называю тебя хозяином Ли!

— Эй-эй-эй, а как же я! — Лю Чжицзе подбоченился.

— Конечно, конечно, и хозяина Лю. — Сяо Кань обнял обоих за плечи.

Гуань Яо в этот момент чувствовал, что любые слова будут недостаточны. Он стоял рядом с Сун Юем, мысли его были в смятении.

Чжао Линьцзян передал Сяо Каню свёрток ткани, внутри которого были лекарства от различных болезней.

В сердце Чжао Линьцзяна копилось сожаление — правильно ли он поступил, помогая тому принять воззвание?

Заметив его сомнения, Сяо Кань улыбнулся и утешил его:

— Линьцзян, не думай об этом. Даже если бы всё повторилось, я бы снова попросил тебя. Кто знает, может, я вернусь генералом.

— Ты... — Чжао Линьцзян понял, что тот ни о чём не жалеет.

Госпожа Ли и Сяо Лин плакали и смеялись, пока Сяо Кань произносил долгую речь.

Когда пришло время отправляться, Сун Юй всё ещё молчал.

— Чунцзинь, — Гуань Яо посмотрел на Сун Юя рядом. — Иди.

Сяо Кань стоял в трёх метрах, как глупый заяц, с надеждой глядя на него.

— ... — Сун Юй замер, не двигаясь.

Сяо Кань не выдержал и подошёл к нему:

— Наставник.

— Хм. — В сердце Сун Юя началась резкая боль.

Сяо Кань, с замиранием сердца, спросил:

— Цзинъюнь уходит. Наставник, есть что-то, что ты хочешь сказать?

— Береги себя. — Сун Юй без эмоций, слово за словом произнёс:

— Уходи и возвращайся поскорее.

— Хорошо. Хорошо. — На лице Сяо Каня появилась радость. — Обязательно. Обязательно уйду и вернусь поскорее.

Зелёный бамбук, древний и величественный, медленно скрывал фигуру Сяо Кана.

Сун Юй долго стоял на стене заставы, застыв.

Горы в дымке, реки вдалеке,

Осень на юге кончается — трава не вянет.

— Я буду ждать тебя, не страшась одной-двух осеней. Раз есть одна-две осени, зачем тебе знать? — Сун Юй говорил сам с собой, чувствуя, как внутри образуется пустота.

Накануне вечером, в последний момент перед сном, Сяо Кань спросил Сун Юя:

— Наставник, ты научил меня технике сабли Сючунь, читал мне «Гаотанскую поэму» — всему научил. Но одной вещи ты никогда меня не учил.

Сун Юй, уткнувшись лбом в его грудь, лениво спросил:

— Я научил тебя всему, что у меня было. Что же осталось?

Сяо Кань крепче обнял его в своих объятиях и тихо сказал:

— Любви.

Сяо Кань, войдя в город Пинъюн, вместе с посланником императора направился на север, в Фуцзин.

Представ перед императором, совершив жертвоприношение Небу, облачившись в доспехи, он спустился в конный лагерь, указал на север, определил запад и повёл армию в поход.

Сяо Кань коснулся сабли на поясе, чувствуя, как в её клинке сосредоточилась бесчисленная сила. На рукояти, казалось, ещё оставалось тепло того человека.

Перед отправлением Сун Юй «одолжил» ему свою саблю Сючунь, заявив:

— Видя саблю, ты видишь меня. Возвращайся вместе с ней, верни мне.

Прошёл месяц пути, они ещё не прошли и половины, когда с линии фронта на границе пришла трагическая весть, опечалившая всю страну: первая линия обороны на внешней границе пала, и в хаосе битвы наследник престола Чу Чан погиб от рук вражеской группировки!

Наследник, защищавший северо-западное пограничье более двух лет, пал в бою. За одну ночь династия Дали потеряла половину своей силы, в народе воцарилась паника.

Сун Юй, находясь в далёкой крепости Хэйяо, услышав эту ужасную весть, в эту прохладную осеннюю ночь Белых рос тяжело заболел и пролежал несколько дней.

Войны, длящиеся годами, неизбежно омывают поля кровью. Лязг оружия и топот коней не прекращаются, это не только противостояние между государствами, но и противостояние между ожиданием и терпением.

Гуань Яо принёс Сун Юю остывшее лекарство, сел у кровати и сказал:

— Цзинъюнь ушёл всего полмесяца назад, а у тебя уже сердце заболело. Хорошо, что он не знает, а то бы, наверное, вернулся за тысячу ли, чтобы найти тебя.

— Второй брат, не шути. — Сун Юй сделал глоток лекарства. Оно было горьким, и он решил выпить всё залпом. — Я просто потерял покой.

— Отдохни как следует. Застава тоже усиленно охраняется, последняя волна беженцев недавно ушла на юг, так что селение должно успокоиться на некоторое время. — Гуань Яо принял чашку.

Сун Юй почувствовал, как горло стало сухим и горячим, и сильно закашлялся:

— Хорошо.

— Завтра я отправляюсь в Фуцзин, предполагаю, что в течение полугода не вернусь. Если что-то случится, отправь письмо в музыкальный дом Саньдэн. — Гуань Яо поправил ему одеяло.

Сун Юй постучал себя в грудь:

— Полгода — это слишком долго.

— Должен вернуться до Нового года, праздник нужно встретить. — Гуань Яо серьёзно сказал.
— Правила старшего брата я помню.

Сун Юй слабо кивнул:

— На улице будь осторожен.

.....

— Ты снова уходишь. — Чжао Линьцзян, обнимая обнажённого Гуань Яо, прошептал хрипло.

Спина Гуань Яо была ещё влажной от пота, его укушенные губы были алыми и нежными:

— Это моё дело, мне не следовало тебе рассказывать.

— Когда вернёшься? — Чжао Линьцзян с гневом сжал его талию. — Дай мне точный срок.

— С чего бы я должен отчитываться перед тобой? — Гуань Яо полуприкрыл глаза, волосы на лбу растрепались.

Чжао Линьцзян убрал несколько прядей его волос за ухо:

— Потому что я буду ждать тебя.

— Не нужно. — Гуань Яо закрыл глаза — с глаз долой, из сердца вон.

Чжао Линьцзян не стал продолжать эту тему и сменил разговор:

— Разве третий брат не будет ждать Цзинъюня?

— Они подходят друг другу, их чувства взаимны. Ты сравниваешь это с нами — это слишком возвышает и меня, и тебя. — Гуань Яо холодно усмехнулся.

Зная, что этот подход не сработает, Чжао Линьцзян вздохнул:

— Дядя Яо, если бы ты только протянул мне руку хоть раз, весь оставшийся путь я прошёл бы сам. Почему ты просто не хочешь?

— Мы спали вместе так долго, у других уже появились бы чувства, но у меня к тебе нет ни капли привязанности. Тебе лучше быть трезвым, это будет лучше для всех. — Гуань Яо перевернулся, повернувшись к Чжао Линьцзяну спиной.

Чжао Линьцзян, услышав эти слова, почувствовал головную боль. Глядя на его спину, он прижался к ней, но сердце так и не смогло приблизиться:

— Я... буду ждать. Вот и всё.

— Ты пожалеешь.

— Нет.

Чжао Линьцзян никогда не мог удержать Гуань Яо. Он пытался следовать за ним, но Гуань Яо, выйдя из гор, становился неуловимым, как призрак, и следовать за ним было невозможно.

На следующее утро Гуань Яо попрощался с Сун Юем и ушёл с гор.

В ночь на середину осени он добрался до Фуцзина.

Только те, кто побывал в Фуцзине, знают, что такое «Лунные ночи Чанъаня, где тысячи домов стирают одежду» из стихов Ли Бо.

Ночной рынок освещался тысячами фонарей, высокие здания были заполнены гостями в алых рукавах. Гуань Яо сменил одежду, повесил на пояс ароматный мешочек и направился в самый большой чайный дом Фуцзина.

— В пустоте летит иней невидимый, на отмели белый песок незрим...

Певица сидела за ширмой, её алые губы шевелились, пальцы перебирали струны цитры. Перед ширмой, по обе стороны, стояли охранники и слуги, невольно увлечённые прекрасной мелодией.

Лишь мужчина, возлежавший за занавеской, был к этому равнодушен. Его роскошная одежда и врождённая элегантность и грация составляли невероятно привлекательный образ.

Авторское примечание: [Пропущенную часть смотрите в закреплённом комментарии.]

<http://bllate.org/book/16311/1471625>